

СЕРГЕЙ КУЛАКОВ

КОГДА НЕ ПОЗДНО
ПРОСТИТЬ

РОМАН

МИНСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЧЕТЫРЕ ЧЕТВЕРТИ»
2019

УДК 821.161.1(476)-3
ББК 84(4Бей=Рус)6-44
К90

Серия основана в 2019 году

Кулаков, С. Ф.

К90 Когда не поздно простить : роман / Сергей Кулаков. — Минск :
Четыре четверти, 2019. — 250 с. — (Серия «Женские судьбы»).

ISBN 978-985-581-263-1.

Вполне благополучная жизнь главной героини Риммы Бельской вдруг начинает стремительно рушиться. Черода бесконечных конфликтов, разлад с близкими людьми приводят ее в отчаяние. Все плохо, кажется, впереди тупик и выхода нет. Но он находится... И там, где Римма меньше всего ожидает.

Роман «Когда не поздно простить» читается с неослабевающим интересом. Здесь и оригинальный авторский стиль, и яркая сюжетная линия, и характеры обычных людей – наших современников...

УДК 821.161.1(476)-3
ББК 84(4Бей=Рус)6-44

ISBN 978-985-581-263-1

© Кулаков С. Ф., 2019
© Оформление. ОДО «Издательство
“Четыре четверти”», 2019

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Как она не угадала этот момент? Занята была. Столько всего навалилось. Обычно она заранее чувствовала и устраняла опасности. А тут прозевала.

Ей всегда что-то подсказывало. Сны чаще всего. Или видения. Но на видения нужно было настраиваться. А у нее не было времени. И прозевала. Покатилось, не остановить. И слезы, самое сильное оружие, не помогли. Куда? Хоть ведрами лей. Только себя утопишь.

А Римма себя топить не любила. Она любила хорошо выглядеть – и выглядела, назло всем. При женской миниатюрности была резва и подобрана, как скутер. Формы имела наступательные и обтягивала их с гордостью опытного бойца. В свои пятьдесят выглядела не хуже тридцатилетних – лучших. А с худшими она себя и не сравнивала. Много чести.

Что за день это был? День как день. Не так давно справили Крещенье, пережили морозы. Но подошли в начале февраля новые и крепи с каждой ночью, как будто ночи их выстуживали до бесконечности.

Вдобавок задули ветры, бесснежные, сухие, рвущие лицо тупыми щипцами заполярной злобы. В котельной все щели, видимые и невидимые, продавились ледяными сквозняками. Но в дежурке было терпимо, особенно там, где сидела Римма – через стол от окна, в серединке, спиной к приборам. Она, как кошка, всегда занимала самое теплое место, и ловко сворачивалась в обитом коричневом дерматином креслице, поджимая под себя ноги в безупречно свежих шерстяных носочках.

И курила, конечно, свои любимые, тонкие, в зеленой пачке с летящей птичкой. Одну за одной, каждые десять-пятнадцать

минут, быстро и жадно вытягивая до фильтра и уже нацеливаясь на следующую.

Некурящий Костик сторонился дыма, лениво уходящего к двери. Раза два-три в час к Римме присоединялся Валера – и тогда дым, ширясь ватными плечами, наггел и выходить подолгу отказывался. Разве что Костик иногда выскакивал проверить уровень воды и утягивал шлейф дыма за собой.

В тот день сидели спокойно. Начальство в лице директора комбината и главного инженера было в отъезде, все работало исправно, тьфу-тьфу-тьфу. Но книги и кроссворды на стол пока не выкладывали, это на вечер. Так, болтали о разном, коротая дежурство, безобидно.

– Я что ни загадывал на Новый год, ничего не сбылось, – бормотал Костик своим тихим, едва различимым в гуле котла и вентиляторов, голосом. – Не верю я в это.

– Ну и зря! – возражала Римма. – Вот у моей Дашки в прошлом году все мечты сбылись.

– Какие? – поднял на нее Костик недоверчивые глазки, на минуту оторвавшись от драгоценного смартфона.

– Смотри, – целила в него линзы очков Римма. – Она загадывала новый холодильник, пылесос и микроволновку, так? И все получила!

– Да-а? – уважительно протянул Костик. – Круто.

Костик, или Константин Панченко, оператор котельной КЖБИ (комбината железобетонных изделий), уважал чужой достаток. Он был из деревни, мать умерла два года назад, отца не помнил, никакой помощи ни от кого не ждал. Снимал с младшим братом и девушкой-невестой в городе квартиру, тянулся к лучшей жизни. Собственная квартира была для него мечтой недостижимой, как вечная жизнь, скажем. Хотя предметы, квартирную жизнь украшающие, он потихоньку приобретал, без устали роясь в Интернете и зная об этом все, что только можно было знать в его возрасте.

Сам он в двадцать один неполный год был ростом и сложением как подросток – сильно недокормленный подросток. От слабосильности говорил едва слышной скороговорочкой,

как бы сам себе и боясь, что каждую минуту перебьют. Но использовать свою слабосильность умел – жизнь научила.

– Холодильник вообще со скидкой сорок процентов брали! – вспоминала сладострастно Римма. – Представь, как повезло!

– Да-а, – покивал Костик. – А какая фирма?

– Самсунг!

– Круто.

Костик снова уронил костистый нос в телефон – он всегда так сидел, елозя пальцами по экрану. Пытался освоить схему волшебной финансовой игры, которая сулила исполнение всех его желаний сразу.

– И пылесос «Самсунг», – победно добавила Римма. – Только микроволновка эта... как ее... «Элджи».

– Я слышал, что они даже лучше, – на секунду вскинул голову Костик.

– Может, и лучше, – благодарно взглянула на него Римма.

Она перевела взгляд на Валеру и облизнула губы.

Это была привычка, которую она за собой не замечала. Но регулярно и без причины ее язык неожиданно выскакивал изо рта и мощным движением облизывал довольно-таки пухлые губы. Сначала нижнюю, а потом верхнюю, словно проверяя, на месте ли они и готовы ли к бою. После чего, показав малиновый испод, нырял обратно. Зрелище для посторонних было захватывающее и всегда неожиданное, но посторонние Римму не интересовали.

По-настоящему ее интересовал только Валера, хотя никто этого не заметил бы – поначалу, конечно.

Валера был ее любовником. Он был черноволос, грубо щетинист и огромен, как древний воин Пересвет. При этом угрюм и не слишком разговорчив.

Сегодня он мучился с перепоя и вообще молчал, не говоря ни слова. Только буркнет «да» или «нет», и то в лучшем случае. А так покосится налитым кровью глазом и качнет головой – понял, мол. Хотя слушал разговоры внимательно – это его отвлекало от мук организма, мстящего за избыток вчерашнего счастья.

– Соли надо надолбить сегодня, – напомнила ему Римма. – Там только два ведра осталось.

Валера даже не посмотрел на нее. Он смотрел на датчики приборов – отмечал текущие показания.

В каком бы состоянии не находилось тело, мозг работу выполнял исправно – за это Валеру ценили и щадили. Из прожитых сорока лет двадцать он просидел в этой котельной, и был ее частью, как насосы, котлы и трубы, где он знал не то что каждый механизм – каждую гайку. И они его знали, и обычно не подводили.

Римма, осторожная, как все умные женщины, помимо всего прочего, чрезвычайно это в нем ценила. Она была лаборанткой и отвечала лишь за очистку воды, поступающую в котлы. За исправность же всего опасного, ревущего огнем и паром хозяйства, отвечал Валера. Но все знали, что здесь он – самый надежный.

В эту надежность Римма вцепилась когда-то мертвой хваткой и выдерживала любые бури и скандалы, лишь бы выйти с ним в одну смену. И выходила уже почти двенадцать лет, и все тут было у нее хорошо: и работа, и прочее, и не случалось большой беды до сегодняшнего дня.

Но кто мог знать?

Римма не повторила свои слова про соль. Она знала, что Валера ее услышал – он слышал все, что она говорила. И за остальное не волновалась. Она понимала его лучше, чем он сам.

Как она думала. Но как же она ошибалась!

Впрочем, это выяснилось потом. А пока...

А пока Римма закурила, глядя в окно, где на белом от холода небе, словно пуговица на больничной подушке, блестел пластмассовый кружок солнца.

– Холодно, – сказала она, зябко поежившись и запахнув на груди полы меховой безрукавки.

– Ага, – кивнул Костик, глядя в смартфон.

Заверещал сигнальный зуммер – в котельную входили.

Валера, обычно любопытный от скуки полусуточного дежурства, не шевельнулся – слишком было худо.

Костик, вскинув белесую макушку, цепко прищурился, рассматривая через стеклянную дверь длинный проход, идущий вдоль котлов.

– Михалыч с Павлом, – доложил он Римме, которой с ее места коридора видно не было.

Да и сидела она спиной, не хотелось поворачиваться.

Римма кивнула:

– Наконец-то.

И посмотрела на Валеру значительно. Напоминала взглядом про соль. Соль – это было важно, это работа, и Валера не мог этим пренебречь.

Но тот – никакой реакции. Висел над столом своими плечиками – целый дом, не человек – и не дышал, казалось. Он даже не курил в таком состоянии. Он вообще отсутствовал.

Тут Римма впервые ощутила легкое беспокойство, но не успела к нему прислушаться. Отвлекли вошедшие, отогнали мысль. Или это ей потом так казалось? Не помешали бы – приняла бы меры вовремя, все поправила, и не пошла бы череды неприятностей, от которых едва не поломалась вся ее ровненькая, бодро текущая жизнь. Или все равно пошла бы?

Поди сейчас, догадайся. Потом все кажется истиной, даже туман, ее скрывающий.

Но тогда все было, как обычно.

В двери вкатились слесаря, чуть не трескались с мороза. Зарычали прокуренные голоса, ругаясь и споря.

К ним добавился писк Зои из компрессорной, вбежавшей в эту минуту, – и в тихой дежурке стало шумно и тревожно, как на вокзале.

– Починили? – спросила Римма слесарей.

– Починили, – хмыкнул сварщик Павел, тяжело неся перед собой бруствер живота и посверкивая глубоко запроваженными под толстые бугры щек глазами. – Труба замерзла. Грели, грели – без толку. Один лед внутри. Пришлось отрезать, вваривать новую...

Он выругался, матерно и длинно.

Римма понятливо кивала. Морозы эти всем дали работы.

– Им же говорили не прикрывать надолго вентиль! – вставил Михалыч, присаживаясь на свободный стул. – Нет, они по-своему....

– Такой мороз!.. – снова выругался Павел. – Тут на пару минут оставь – замерзнет. А они чуть не на час, идиоты...

– А мы крайние, как всегда! – заметил Михалыч.

Михалыч – это сплошной форс, несмотря на свои шестьдесят. В такой мороз – кепка, надвинутая на правое ухо. Под кепкой – стальная щетка усов и хищный – «бабья смерть» – оскал улыбки. Про свои былые подвиги, алкогольные и постельные, готов был трепаться с утра до вечера. Не стеснясь окружающих, естественно. И даже этими окружающими вдохновляясь. Работник, понятно, самый золотой-раззолоченный. Что, правда, мог и подтвердить – руки были на месте. И за это держали на работе, не гнали на заслуженную пенсию. Еще и моряк был, и гармонист, и танцор, и много кто – сиди и слушай. А он уж расскажет, только волю дай. И нового человека, желательно. Свои давно убежали – наслушались.

– Я чего зашла! – вклинилась Зоя. – У меня сейчас Тумис был, сказал, что должны премию дать.

– Премию? – оживилась Римма.

– Премию? – оторвался от телефона Костик.

Даже Валера перетащил свой взгляд на Зою: новость была значительной и на миг затмила его страдания.

– Да! – округлила голубенькие глазки Зоя. – Сказал, по тридцать процентов. За то, что заказ быстро сделали. Ну, тот, где сваи треугольные, и клиент сразу расплатился. Говорил, слышал в конторе, как будто бухгалтерия уже начислила!

Зоя была уже предпенсионная, если присмотреться, девушка. Но лицо под розовым беретом – ни морщинки, носик, ушки, ротик – пятилетнего примерно возраста, и голос ее звенел, как трель мобильного. И под бушлатом такое все налитое, сдобное – невольно улыбались мужики, на эту кладовую глядя.

– Брехня все, – перебил ее Михалыч. – Дождешься от них этой премии.

– Да мне сам Тумис сказал! – возмутилась Зоя. – Только что заходил...

– Трындит твой Тумис, как Троцкий, – снова перебил ее бесцеремонный и всезнающий Михалыч. – Сколько раз уже обещали – и что?

– Только обещать и могут, – поддержал его Павел.

Валера тоже отвернулся от Зои: и в премию не поверил, и трудное его состояние снова властно напомнило о себе.

– Только и знают, что свои обещалки, – гнул свое Михалыч. – А премию выпишут только конторским, а нам дулю с маслом.

– И на Новый год подарков не дали! – вспомнила Римма низким от обиды голосом.

– Да зажрались они там! – уже по-митинговому вскинул кулак Михалыч. – Я вот Тумиса увижу, скажу, чтоб людям мозги не пудрил.

– Смелый какой! – глянула на него поощрительно Зоя.

– А чего мне их бояться? – не унимался Михалыч. – Я кого хочешь послать могу!

– Конечно, пенсию получаешь – то и можешь, – заметил с ложной кротостью Павел.

– А что тебе моя пенсия? – тут же завелся Михалыч. – Я, если хочешь знать, никогда под начальство не гнулся, не то, что некоторые!

– Да, – махнул на него рукой Павел, – мели, Емеля.

Михалыч уставил на него гневно блеснувшие очи, опустил голову. Павел тоже набычился.

Римма отстраненно курила. Своих боев хватало, этот ее не касался. Костик тарачился не без страха. Злые здоровые дядьки всегда его пугали.

Один Валера был равнодушен. Не до пустяков, когда внутри все обрывается каждую секунду.

– На самом деле, Михалыч, – пропела, будто не замечая грозы, Зоя, – охота тебе сюда таскаться? Сидел бы дома, на пенсии, чего тут интересного?

– А вот с тобой мне интересно, Петровна, – вдруг растекся лисьей улыбочкой Михалыч. – Когда тут такие красавицы, чего мне дома сидеть?

Бандитским нырком обогнув Зою, он сзади вонзил ковши ладоней ей подмышки и притянул к себе – крепко. Зоя взвизгнула, дернулась, вырывая бушлат, залилась румянцем, который при ее избыточной румяности казался невозможным.

– Жена дома, а ты тут к бабам чужим! Пусти!

Михалыч меру знал – разжал руки:

– А кто тебя держит?

– Ты!

Зоя оправляла бушлат, возмущенная и очень довольная.

– А ты, Римма Игоревна, что сидишь, скучаешь? – отнюдь не успокоился Михалыч.

– Замерзла, – басом отозвалась Римма, не оборачиваясь к нему.

– Так я погрею!

Михалыч протянул к ней руки, но в виду Валеры далеко не пошел. Ухватил лишь за плечи, помял одним перебором пальцев.

– Такие розы! – подмигнул он Костику, смотревшему на всякий случай нейтрально. – Сколько красоты в одном месте...

Римма пару секунд выждала и легким, но четким движением освободилась из рук Михалыча. Хотя руки были умелы – чувствовался охотник.

Мимолетом она подумала, что Валере так никогда не научиться. Но Валера был ее, а свое она ценила и оберегала. Даже от себя. Здесь она была начеку и опасных мыслей себе не позволяла.

По привычке Римма глянула на Валеру. Проверяла, оценил ли он ее отпор. Хотя знала, что на такое он не обращает внимания. Внешне, по крайней мере.

Валера сидел, не моргая, не двигаясь, живя только парой чувств из шести отпущенных. Римма сама не чуждалась радостей жизни, но подобных страданий не принимала. Валеру было жалко, как маленького. Могла бы, посадила на коленки и покачала ласково.

Но сейчас трогать его было опасно. Это знали все и старались не задевать – себе дороже.

Грохнули железные мостки за стеной. В дежурку вошел Филимонов, начальник котельной.

Все притихли: с чем пожаловало начальство?

Римма сбросила ноги с кресла, сунула сигарету в пепельницу, выпрямилась – первая ученица в классе.

Зоя отступила в угол, к вешалке, но не уходила: сейчас будет самое интересное. Начальство просто так не приходит.

Костик оторвался от смартфона – Филимонова он читл безмерно. Слесаря сидели внешне равнодушно. Валера страдал, и сейчас любое начальство ему было нипочем.

– Что с трубой? – спросил Филимонов.

– Сделали, что! – грубо ответил Михалыч.

Филимонов, молодежавый и франтоватый, грубости не заметил. Тут это быстро отмирает. Все грубят всем, это нормально. Как на войне. Главное, чтоб дело делалось.

– Вваривали?

– Ага, – отозвался Павел.

– Большой кусок вырезали?

– Все колено!

– Да... – покивал Филимонов. – Что еще?

Михалыч хотел что-то сказать, но Филимонов уже отвернулся, и Михалыч промолчал. Сверкнул только из-под кепки волчьим глазом, но невысказанное оставил при себе – до поры, конечно.

– Соли надо надолбить, – скромно вставила Римма.

– Да, соли, – вспомнил Филимонов. – А что отбойник?

Он посмотрел на Валеру, но Валера смотрел перед собой, точно его это не касалось. И Филимонов сделал вид, что Валеру его взгляд не обнаружил. И он спокойно вернулся к Римме.

– Сломался отбойник, – сообщила та с готовностью. – Я вам еще утром говорила.

– Много там надо соли?

– Два ведра есть... Еще шесть.

– А если бульдозером?

– Какой бульдозер? – вмешался Михалыч. – Там соль в камень смерзлась, что твой бетон.

Сергей Федорович Кулаков родился 31 октября 1967 года в г. Капинковичи Гомельской области.

Окончил факультет журналистики БГУ им. В. И. Ленина. Работал в газетах «Биржи и банки», «Віцебскі рабочы», «Звезда», в газетно-издательской фирме «Белая Русь».

Первая книга «Отомстить до конца» (1994) вышла в Минске и более двадцати – в издательствах Санкт-Петербурга и Москвы. Повести «Избавление», «Встреча», «Улыбка Квазимодо» и «Последний вагон» опубликованы в газетах «Советская Белоруссия» и «Знамя юности» (2002–2004).

Член Союза писателей Беларуси.

Живет в г. Минске.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава первая	3
Глава вторая	14
Глава третья	33
Глава четвертая	49
Глава пятая	62
Глава шестая	87
Глава седьмая	101
Глава восьмая	118
Глава девятая	139
Глава десятая	157
Глава одиннадцатая	173
Глава двенадцатая	194
Глава тринадцатая	214
Глава четырнадцатая	228
Эпилог	244
<i>Об авторе</i>	247